

УДК 81-23: 811.113.5

КОГНИТИВНАЯ АКСИОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА НОСИТЕЛЯМИ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

Костюченкова Н.В.

В фокусе рассмотрения статьи находятся особенности ментальной проекции восприятия реалий физического пространства в сознании носителей норвежского языка и культуры и их языковое воплощение. Подвергается анализу степень значимости горизонтальной и вертикальной осей при описании локализации и взаиморасположения объектов в объективном пространстве. Выявляются основополагающие параметры, категории и факторы, оказывающие влияние на формирование когнитивного образа пространства у норвежцев. Разграничиваются понятия «универсального», «культурного», «языкового», «ментального» концептов.

Ключевые слова: культура, стереотипы сознания, ортогональная оппозиция, антиподальная оппозиция, трехмерность пространства, картина мира, ментальный концепт, универсальный концепт, культурный концепт, языковой концепт, географический детерминизм.

COGNITIVE AXIOLOGY OF SPACE COMPREHENSION BY THE NATIVE SPEAKERS OF THE NORWEGIAN LANGUAGE

Kostyuchenkova N.V.

The paper is focused on some peculiarities of the objective space mental comprehension in the consciousness of Norwegian people as well as their linguistic embodiment. The author analyses the significance degree of the horizontal and vertical axes in coherence to describing localization and interrelation within the real space as well as the fundamental parameters, categories and factors having impact on the formation of the Norwegian cognitive space concept. The article also differentiates the notions of the “universal”, “cultural”, “linguistic”, “mental” concepts.

Keywords: culture, consciousness stereotypes, orthogonal opposition, antipodal opposition, space tridimensional characteristics, world view, mental

concept, universal concept, cultural concept, linguistic concept, geography determinism.

Когнитивные структуры, отражаясь в языке, включают в себе различные феномены культуры, поэтому лингвистика в последнее время имеет дело с такими реалиями, как культурный концепт, концептуализированная область и др. Обратимся к самому понятию «культура» и примем за основу дефиниции, предложенные Б.А. Успенским и известным польским лингвистом А. Вежбицкой.

Б.А. Успенский понимает культуру как «ненаследственную память коллектива; эта память может быть осознанной (...виды деятельности, которые усваиваются эксплицитно, путем сознательного обучения), так и неосознанно (сюда относятся стереотипы поведения)» [16, с. 6].

А. Вежбицкая рассматривает понятие культуры несколько иначе – как «исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему наследственных представлений, выражаемых в форме символов, при помощи которых люди общаются между собой и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные установки» [4, с. 289].

Таким образом, с одной стороны, и Б.А. Успенский, и А. Вежбицкая высказывают мысль о том, что культурные представления определяют особенности моделирования человеком окружающего мира. С другой стороны, А. Вежбицкая, в отличие от Б.А. Успенского, говорит о культуре как о наследственном феномене.

Носителям различных культур свойственна определенная специфика восприятия физического объективного пространства, что закономерно накладывает свой отпечаток на особенности когнитивных моделей, запечатленных в их сознании. Конечная стадия этого процесса находит свое отражение в лингвистическом репертуаре. В восприятии одних народов превалирует горизонталь, другие же тяготеют к «вертикальным» образам и

стереотипам. Такие различия обусловлены целым рядом факторов, в частности, географическим положением, климатическими условиями, преобладающим ландшафтом, величиной территории страны, а также культурной памятью конкретного этноса.

Показательным фактом национальной специфики пространственной ориентации служит также астрономическая ориентация (по сторонам света), которая также запечатлена в стереотипах сознания. Согласно гипотезе Дж. Лайонза, каждый из четырех ориентиров может быть противопоставлен другим «ортогонально» ("север" – "востоку" и "западу"; "восток" – "северу" и "югу" и т.д.) и «антиподально» ("север" – "югу"; "запад" – "востоку") [18, p. 282-283].

Для носителей норвежского языка антиподальная оппозиция является определяющей в том смысле, что норвежцы, несомненно, скорее сочтут "север" противоположным "югу", нежели "востоку", так как все четыре понятия принадлежат одному и тому же полю, и каждое из них диаметрально противоположно второму элементу оппозиции в двухмерном пространстве. Аналогично "вверху" диаметрально противоположно "внизу", "впереди" – "позади", "справа" – "слева" в трехмерном пространстве.

Если подвергнуть детальному рассмотрению ментальные ориентационные схемы относительно сторон света у носителей норвежской культуры применительно к трехмерному пространству, то можно заметить, что для обозначения направлений в любую из сторон света они употребляют глаголы, семантика которых указывает на движение в пространстве горизонтали. Норв. *gå til nord/ vest/ sør/ est* («идти на север/ запад/ юг/ восток»). В отличие, например, от некоторых азиатских языков, в которых ориентация относительно "севера – юга" определяется по вертикали (*подняться на север, спуститься на юг*), относительно "запада – востока" – по горизонтали (*перейти на запад/восток*), что свидетельствует о большей степени проявления аналогичности антропомира и мира внешнего в восприятии пространства у азиатов по сравнению с носителями норвежского языка. Это связано с

сопоставлением строения тела человека с некой "картой", где верх – голова – север, низ – ноги – юг, право, лево – руки – восток, запад [11, с. 139-140].

Итак, трехмерность пространства может считаться одним из основных параметров, благодаря которым носитель определенного языка оценивает взаиморасположение объектов в окружающем его мире.

Кроме того, в отношении восприятия пространства существует такой аспект, как метричность, поэтому оно может быть оценено посредством различных единиц измерения. С точки зрения Н.Л. Шамне, вследствие такой оценки возникают понятия расстояния, параллельности, поворотов [17, 34]. Данной особенностью, по-видимому, прежде всего, обладает горизонтальное пространство. Поскольку человеку, находящемуся в естественном положении на поверхности земли, на освоенном пространстве, легче оценивать величину дистанции между объектами впереди, позади, справа, слева, чем выше или ниже себя (ср.: *в двух шагах, в часе ходьбы*). Расстояния в пространстве горизонтали человек может измерить сам (например, шагами), не пользуясь специальными средствами измерения, в отличие от абстрактного вертикального пространства.

Наконец, необходимо указать на такую фундаментальную категорию, непосредственно связанную с пространством, как время. М.Д. Ахундов и А. Грюнбаум, говорят о времени как о четвертом измерении [1; 9]. Иллюстрацией временного аспекта пространства может служить пространственная метафора. Так в норвежском языке, равно как и во многих других языках, имеет место тенденция использовать одни и те же языковые выражения для описания как пространственных, так и временных отношений. норв. *bakom lå en skog – de verste er bak* («позади был лес – худшее позади»), норв. *elva var langt borte – til langt på natt* («река была далеко – далеко за полночь»), англ. *the river was far away – far into the night*). М.М. Маковский, объясняя возможность обозначения пространственных и временных отношений одними и теми же языковыми средствами, опирается на тот факт, что в древнем представлении понятие времени было тесно связано с понятием места. Ср.: др.-англ. *faese* "промежуток

времени", но латыш. *pagus* "местность"; латыш. *mēts* "время", но рус. "место" [12, с. 93].

Т. Мак Артур определяет человеческую картину мира как когнитивную информацию, т.е. «идеальный продукт отражательного процесса», в котором взаимосвязаны информационные структуры окружающего человека физического объективного мира и информационные образования самого человеческого мышления [19, р. 9] – *концепты*.

Говоря о самобытности этноса, нельзя не обратиться к понятию *концепта* в аспекте культуры, разнящегося с сущностью, собственно ментального и языкового концептов. Если ментальный концепт – когнитивная структура, включающая единицы оперативного сознания, «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием...» [15, с. 28], а языковой концепт идентифицирует и делает понятным ментальный концепт, то культурный концепт «погружен в пространство культуры, функционируя и получая интерпретацию в различных ее сферах» [15, с. 77].

Ю.С. Степанов справедливо разводит термины «понятие» и «концепт». Ученый полагает, что концепт богаче по содержанию и неразрывно связан с миром культуры. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека». Вместе с тем, «концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [13, с. 40], например, создает новые языковые единицы. Иными словами, с точки зрения Ю.С. Степанова, концепт можно считать основной культурной нишей в ментальном мире человека. Вслед за автором, подчеркнем, что «концептуализированная предметная область» существует в языке и культуре и представляет сферу культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы» [13, с. 68].

Знаменательна в этом отношении и гипотеза, выдвинутая Морисом Сводешем в 1955 году. В своей основе она заключала мысль о том, что

универсальность человеческих концептов, по-видимому, детерминирована универсальными обстоятельствами человеческой жизни и, прежде всего, едиными свойствами среды обитания. Всем известно о светилах, планетах, небесных телах, четырех стихиях. Наконец, каждый человек знаком со своим собственным телом. Таким образом, было высказано предположение о том, что понятия, которые могли бы иметь семантические эквиваленты во всех языках, следует искать среди слов, обозначающих явления природы (солнце, луна, вода, огонь) и среди слов, обозначающих части тела человека, – уши, глаза, руки или ноги [3, с. 188].

А. Вежбицкая отмечает, что в любом естественном языке можно обнаружить одни и те же элементарные культурные концепты («примитивы») – «каждый такой набор есть не что иное, как одна лингвоспецифичная манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов» [4, с. 16-17], благодаря которому представляется возможным общение между носителями разных культур. Однако, интерпретируя «культурный концепт», А. Вежбицкая утверждает: «Разумеется, у всех людей есть голова, глаза, уши и руки, они знают о небе над головой и о земле под ногами, но люди не думают обо всех этих вещах одинаково. И язык не передает мир непосредственно: он отражает концептуализацию мира человеком, то есть обыденные, или, как говорят лингвисты, наивные представления человека о мире. В результате слова, обозначающие части тела, и слова, обозначающие окружающий нас мир, могут оказаться столь же лингвоспецифичными, сколь и слова, относящиеся к обычаям, ритуалам и верованиям» [3, с. 188].

Итак, с лингвокультурологической точки зрения, концепт включает в себе понятие, но не ограничивается им, а охватывает все содержание слова, отражающее представление носителей конкретной культуры о сущности явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей.

Так содержание, казалось бы, универсального концепта «пространство» в его восприятии носителями норвежской культуры (норв. *rom*) релевантно понятию простора, протяжения (производное существительное от устаревшего

древнегерманского прилагательного *ruma*, которое означало "просторный", "широкий"). Он запечатлен как целостное образование, расстилающаяся во все стороны протяженность. Однако в сравнении с немецким *Raum*, которое соотносится со значением "пустота" (ср.: *räumen* – убирать, уносить, отстранять) [5, с. 199], норвежское *rom* не представляется "пустым пространством", поскольку глагол *romme* означает "вмещать", "иметь достаточно места для..."; "содержать", "заключать в себе", "быть наполненным чем-либо" [2, с. 683]. *Rom* апеллирует к объему, вместительности, т.е. к трехмерности пространства, благодаря, помимо прочих факторов, "частично горному" мышлению норвежцев. Ср., например, *rom* – вместительный, *rommål* – единица измерения объема [2, с. 682].

Действительно, многие туристические сайты позиционируют Норвегию как «красивейшую горную страну» [7]. «Тяготы городской жизни норвежцы всегда забывали в горах. На выходные или в отпуск люди обязательно сбегают к вершинам. Где ещё можно насладиться таким свежим воздухом? Именно здесь можно увидеть потрясающие панорамы с высоты 2000 м над уровнем моря. Норвегия славится своими зубристыми, неприступными возвышениями и покатыми, гладкими скалами... Ландшафт Норвегии зрелищный и контрастный, здесь расположены самые высокие пики Северной Европы» [7]. «В Норвегии почти 300 пиков, превышающих отметку 2000 метров» [8]. И даже акустические характеристики норвежского языка апеллируют к тому факту, что носителям норвежской культуры свойственен «горный» менталитет: «Норвежский язык сразу же наводит на мысль о том, что Норвегия – горная страна. Когда норвежец начинает говорить, кажется, что он привык беседовать на расстоянии: он, скажем, в долине, а его собеседник – на вершине горы» [10].

В данном контексте нелишним будет обратиться к понятию «географический детерминизм», которое легло в основу целого научного направления с одноименным названием. Суть его заключается в, частности, в том, что человечество, невзирая на всю свою силу и независимость, является неотъемлемой составляющей и продолжением единой природы. Человек как

часть общества неразрывно с ней коррелирует и не в состоянии существовать и развиваться вне природы, и в первую очередь, без природной среды, окружающей его. Географическая и окружающая среда – те элементы природы и биосферы, с которыми человек обнаруживает наиболее тесную зависимость [6]. Географическая среда (ландшафт, флора и фауна, вода, почва, климатические условия, атмосфера Земли), будучи вовлеченной в сферу жизнедеятельности человека, оказывает существенное влияние на самые разные стороны его жизни, в том числе на формирование специфического ментального имиджа физического пространства. В случае с норвежцами можно говорить о том, что географическая среда детерминировала формирование менталитета, которому свойственно «горное» восприятие реального пространства. Кроме того, многообразие свойств природы явилось естественной основой для разделения труда (охота, земледелие, рыболовство, скотоводство, добыча полезных ископаемых и т.д.). «От особенностей географической среды зависят конкретные направления человеческой деятельности, в частности, развитие тех или иных отраслей производства в различных странах и на континентах» [6].

Вместе с тем, горизонталь также немаловажна для носителей норвежского языка, поскольку их жизнь тесно связана с морем. Особую роль моря в когнитивной пространственной картине отмечает и исследователь русского и норвежского мировосприятия Н. Терехихин. Море для норвежцев – это «иной» мир их культуры. Он настолько отличается от стесненного микромира фиордов, что при выходе в открытое море норвежские рыбаки начинают говорить на особом «морском» языке: «Издавна рыбаки здесь считали, что духи, населяющие море, не терпят человеческой речи. А если услышат ее – разгонят всю рыбу. Поэтому на море, переговариваясь, рыбаки неузнаваемо искажали обычную норвежскую речь» [цит. по: 14]. Искажение речи при выходе в море связано не столько с магией слова, сколько с универсальным религиозно-мифологическим восприятием моря («инового мира» вообще) как «перевернутого, инвертированного пространства». Переход в иной

мир сопровождался изменением принятых стереотипов поведения, что, по-видимому, объясняет, как в эпоху викингов мирные жители фиордов при выходе в море превращались в жестоких воинов-берсерков и пиратов-купцов. Эта распахнутость миру отразилась в деяниях двух великих представителей Норвегии – Бьёрнстьерне Бьёрнсона и Фритьофа Нансена, в которых в наибольшей степени воплощены типические черты норвежского национального характера [14]. Для носителей норвежского языка "пространство" – *rom* – "просторное", "открытое", "широкое" (ср. также: *vinne rom* – "расширяться", "продвигаться вперед") [2, с. 682].

Иными словами, исконный вид деятельности носителей норвежского языка – рыболовство – также уходит своими корнями в особенности национальной природной среды. В данном случае, на существование этого феномена особое влияние оказало море.

Таким образом, такие категории как материальность, трехмерность (вертикальная и горизонтальная оси), временная отнесенность можно считать основополагающими аспектами, которые позволяют носителю определенной культуры постигать пространство через призму сформированных на протяжении многих веков ментальных стереотипов, что неизменно находит свое отражение в языке этноса. При этом концепт «универсального» пространства «расцвечен» благодаря различным аксиологическим факторам и условиям среды существования конкретного народа, детерминирован его средой обитания, атмосферой, географическим ландшафтом, растительным и животным миром.

Список литературы:

1. Ахундов М.Д. Пространство и время в физическом познании. М.: Мысль, 1982. 253 с.
2. Большой норвежско-русский словарь. М.: Живой язык. 2000. 560 с.

3. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах [Электронный ресурс] // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 185-206.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
5. Гачев Г.Д. Европейские образцы пространства и времени // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 198-227.
6. Географический детерминизм [Электронный ресурс] // BioFile [сайт]. 2019. URL: <https://goo.gl/B6NwaT> (дата обращения: 05.02.19).
7. Горы Норвегии: фото, название [Электронный ресурс] // ФБ.ру [сайт]. 28.06.2017. URL: <https://goo.gl/rNRJR6> (дата обращения: 05.02.19).
8. Горы. Покорение горных вершин [Электронный ресурс] // Visitnorway.ru [сайт]. 2019. URL: <https://goo.gl/pD7uLV> (дата обращения: 05.02.19).
9. Грюнбаум, А. Философские проблемы пространства и времени. М.: Прогресс, 1969. 591 с.
10. Пашевич Е. Особенности коммуникации скандинавов [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/2U3Sucn> (дата обращения: 05.02.19).
11. Ли Т.Т. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков): дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языкознания. М., 1993. 304 с.
12. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
14. Терехин Н. Русский простор и норвежские фиорды [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилёва [сайт]. 20.10.2011. URL: <http://bit.ly/2UoxlZX> (дата обращения: 05.02.19).

15. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира: Поэзия Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языкознания. М., 1999. 25 с.

16. Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. 432 с.

17. Шамне Н.Л. Сопоставительное освещение семантики немецких и русских глаголов движения в аспекте интерпретации категории пространства: дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Волгоград, 2000. 548 с.

18. Lyons J. *Semantics*. L., N.Y., Melbourne: Cambridge University Press, 1977. Vol. 1. 371 p.

19. Mc Arthur T. *Words of reference: Lexicography, learning and language from the clay tablet to computer*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 230 p.

Сведения об авторе:

Костюченкова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских и германских языков Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Data about the author:

Kostyuchenkova Natalya Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Romanic and Germanic Languages Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

E-mail: knatalia753@mail.ru.